

ЛЕТОПИСЬ

ЛЕНИНГРАД

ТОВАРИЩЕСТВО ИСТОРИКОВ

3

1990

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

— НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ СССР Ю. АФАНАСЬЕВ В ЛЕНИНГРАДЕ / ДОМ ЖУРНАЛИСТА - 1.3.90. /

— МИТИНГ "ДЕНЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ В СССР" / СКК им. В.И. Ленина - 30.10.89. /

АФАНАСЬЕВ В ЛЕНИНГРАДЕ

АФАНАСЬЕВ: — Я скажу о том, что такое гласность. Гласность, как показали все эти 5 лет, принесла с собой нечто огромное в наше общество. К нам пришла запрещенная литература, а вместе с ней и возможность лучше и глубже понять самих себя, Платонова, Замятину, Гроссмана, Солженицына... И казалось бы, уже нет предела этой гласности. Но, оказывается, это не так. Каждый, кто работает на телевидении, в газете, ощущает это очень хорошо. Читатели и зрители тоже имеют возможность убедиться, что есть очень много тем запретных для публикаций и есть очень много имен, которых не допускают в официальную печать. О чем у нас нельзя говорить во весь голос? — Об оценке итога общего развития нашего за 72 года. Закончились эти 72 года с отрицательным результатом. Причина такого результата итог нашего развития — тема не представлена в нашей печати и на телевидении. Что представляет собой этот социально-экономический, политический и духовный эксперимент, который закончился у нас и во всей Восточной Европе таким вот образом? Запретной темой является рассуждение о марксизме-ленинизме. Что из того, что называется марксизмом-ленинизмом, подтвердилось современной наукой и социальной практикой, а что не подтвердилось? Мы еще не задумывались над феноменом, называемым марксизмом-ленинизмом. Из запретных тем продолжает оставаться феномен Ленина (очень много остается недосказанного и недозволенного). Хотя, как я представляю, и эти большие точки для нашей публицистики, для нашей журналистики, до тех пор, пока мы по ним как следует не пройдем, они не дадут возможности нам продвигаться нормально дальше. Мы все еще не говорим так, как следовало бы говорить о нашем союзном устройстве. Устройство является империей по своей сущности. Специфика так называемой гласности заключается в том, что те люди, в руках которых монополия на средства массовой информации, определяют, что полезно, а что не полезно для нашего общества. Если Медведеву или Горбачеву кажется, что какая-то интерпретация такой-то проблемы не способствует раскачиванию общества, а способствует его консолидации, эти темы становятся ходовыми, а их интерпретаторы желательными для средств массовой информации. Парadoxальной можно считать такую ситуацию на пятом году перестройки. Я являюсь запрещенным для всех средств массовой информации центральных У "неформалов" еще могу проходить, а на центральное телевидение меня непускают. Не пускают туда Гдяна и Иванова. Нежелательным является и Ельцин. Есть список и маложелательных людей для средств массовой информации. Мы опять в ситуации диктатуры, монополии на средства массовой информации.

Партия сказала, что она не претендует на монополию власти. Это заявление сугубо декларативное, за которым никакого подлинного стремления освободиться от монополии на власть нет. Что дало возможность власти в Советском Союзе превратить в монопольную власть партии? А существует есть несколько теоретических проблем, которые следовало бы назвать. Есть конкретная история у этой партии. История, которая большей своей частью является преступной. И ответственность ложится на эту партию за состояние, в котором мы оказались. Это тоже необходимо было бы сказать. Власть партии держится на монопольном

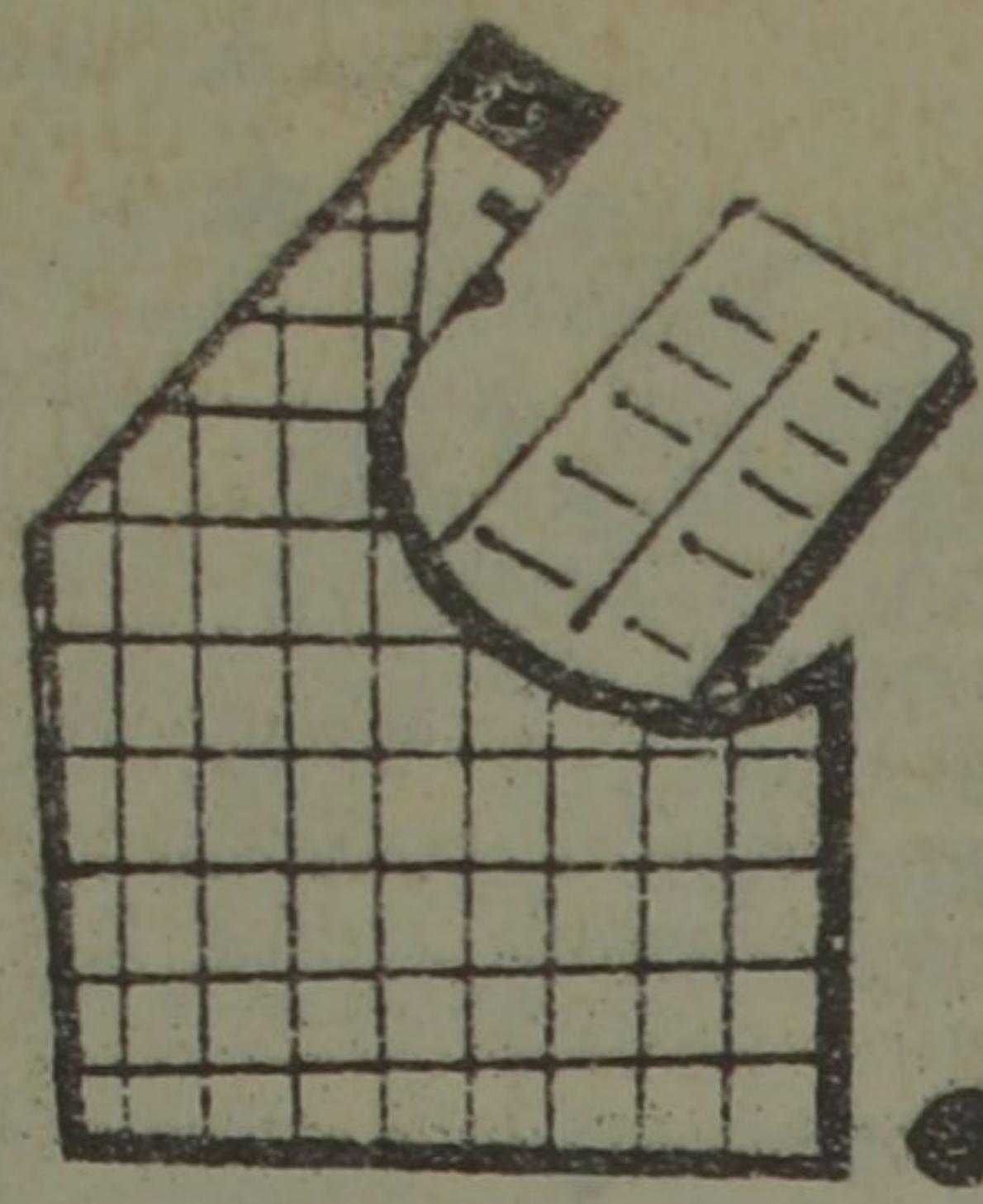
владении землей, средствами производства и результатами труда. Эта власть основывается на монополии на информацию. Так вот, по этой части, следовало бы сказать: "Отказываясь от монополии на власть, я, партия, отказываюсь и от монополии на информацию". Это значит, что у партии остается одна газета "Правда" и один канал телевидения. А все остальные средства массовой информации отныне передаются коллективам редакций и будут как независимые газеты, независимые каналы телевидения...". Ничего подобного не происходит. Все типографии, вся бумага по-прежнему остаются в руках этой самой партии. Поэтому заявление, сделанное на этом Пленуме, об отказе от монополии на власть иначе как декларацией признать очень трудно...

Изменились многие газеты, появились такие прекрасные редакции, как "Пятое колесо", "600 секунд", "Добрый вечер, Москва", "Взгляд". Фильмы сняли с полок и прокрутили, и всё это прекрасно и хорошо. Но в то же время "Пятое колесо" вынуждено постоянно дрожать (на них крикнут или не крикнут, закроют их или не закроют). Накачки сам Генеральный секретарь делает руководителям газет, редакциям телевидения, издательствам (как им надо вести себя, чтобы не нарушилась идеологическая их девственность). По существу мы не меняемся как общество. Мы только объявили о желательности изменения. Монополия на собственность, на землю, средства производства партийно-государственного аппарата остается неизменной. Неизменной остается и политическая структура (партия вовсе не желает уходить с эшафота политической жизни). Советский Союз как был имперским, так и продолжает. Отсюда и происходит вся напряженность в нашем обществе. Сделан вид, что мы меняемся. Введены изменения в виде ремонта того здания, которое мы строили, не меняя его по существу. Мы снова остаемся в хвосте у тех, кто понял уже, что большевистская версия социализма завершилась полным крахом. В Восточной Европе от нее отказались. Остались мы, Китай, Куба, Албания и Северная Корея. Вот в такой компании мы пребываем пока что. Дальше усиливается саморазвал Советского Союза, который сопровождается насилием, кровью.

Если бы по-человечески власть поступила по отношению к Прибалтике, то ситуация могла бы очень существенно измениться. Я знаю, как трудно проворачивался пакт Риббентропа-Молотова (я был членом Комиссии, созданной на Съезде). Мы были единодушны в оценке этого пакта как империалистического, как сговора Гитлера со Сталиным, который попирал суверенитет Прибалтийских республик, сделал Сталина соавтором развязывания второй мировой войны. Но потом, как мы ни настаивали, чтобы результаты нашей работы были опубликованы накануне 23 августа (накануне 50-летия пакта), нам так и не удалось это сделать. А в результате — "балтийская цепочка". Потом письмо ЦК по отношению к этим прибалтийским республикам. Затягивание, препятствия решению и согласию с идеей республиканского хозрасчета, экономической самостоятельности. Совершенно нейдекватная реакция на решение Литовской компартии быть независимой, построенной по федеративному принципу. Это только пример, которых может быть много. Вся политика центрального прави-

АРХИВ № 45

ИСТОРИЯ, КАК ЕЩЕ НЕ БЫЛО...

ЛЕТОПИСЬ

Санкт-Петербург-Петрополь-Ленинград

ТОВАРИЩЕСТВО НЕЗАВИСИМЫХ ИСТОРИКОВ

4

1990г

1 выпуск

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:
- МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ: ПУТЬ НАВЕРХ / В. Соловьев, Е. Клепикова "Кремлевские заговоры" 1989/
- "МТИТ" ДЕНЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ В СССР" / СНК УМ В.И. Ленина-30.10.89./

М. ГОРБАЧЕВ: ПУТЬ НАВЕРХ

Вечером 19 сентября 1978 года на железнодорожной станции Минеральные Воды на Северном Кавказе остановку сделал поезд специального назначения. В нем из Москвы в столицу Азербайджана Баку следовал генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев в сопровождении своего помощника Черненко. На перроне курортного городка их встречали председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов, проходивший курс лечения в соседнем Кисловодске, и партийный хозяин Ставропольского края, в который административно входили Минеральные Воды, — Михаил Сергеевич Горбачев.

К слову сказать, Андропов и Горбачев были уроженцами здешних мест, земляками, и это послужило путь не единственной, но одной из причин их дружбы, хотя между ними было почти семнадцать лет разницы. А укрепили эту дружбу регулярные наезды в Ставропольский санаторий "Красные Камни" — таинственный шеф тайной полиции предпочитал лечиться в родных местах. По долгу службы, дружбы и на правах хозяина Горбачев обхаживал своего высокого гостя, но делал это деликатно, ненавязчиво, со свойственным ему тактом и с учетом отличия Андропова от других кремлевских олимпиадцев: Андропов не пил, не охотился, шумным компаниям предпочитал уединение, и даже отдыхая и лечась, продолжал работать, поддерживая круглогодичную связь с Москвой.

Вот и сейчас он вынужден был прервать свой отпуск, чтобы встретиться с Брежневым и его ближайшим другом и доверенным лицом Черненко. По протоколу и в силу субординации ни Андропов, ни тем более Горбачев не могли макировать этой встречей. Да и не в их интересах было ее пропускать. Брежnev мог проехать в Баку и не останавливаясь на станции Минеральные Воды. Вопрос об остановке был решен в самую последнюю минуту перед отъездом из Москвы. Организатором встречи был Андропов, выигрывал от нее Горбачев. За время этой краткой остановки решалась его судьба — к концу года он уже был переведен в Москву.

Таким образом, эту встречу следует считать исторической — 19 сентября 1978 года на перроне маленькой кавказской железнодорожной станции сошлись четыре человека, которым суждено было в дальнейшем сменять друг друга в качестве руководителей советского государства.

Политическое вознесение Михаила Горбачева явилось результатом, а точнее — побочным продуктом "больших кремлевских игр", которые в 1978 году вступили в решающую стадию. Для того, чтобы Горбачев попал в Москву, судьбе пришлось столкнуть в жестоком поединке двух его главных покровителей — Юрия Владимировича Андропова — Федора Давыдовича Кулакова, который закончился победой первого и гибелью последнего.

Вот как это было. Если личность Андропова читателю хорошо знакома по многочисленным советским и зарубежным публикациям, то Кулакова, одно время наиболее вероятного претендента на кремлевский престол, необходимо за давностью лет представить заново. Тем более, что именно он сыграл ключевую роль в раннем восхождении Горбачева, пока шефство над провинциальным аппаратчиком не перешло к Андропову. Неожиданный рывок в карьере Горбачева — правда, в пределах его Ставропольских пенатов, где он сидел в общей сложности более двадцати лет после окончания Московского университета, — произошел, когда руководителем Ставропольского края был прислан из Москвы Кулаков, лицо независимо, с соб-

ственными идеями преобразования России, он оказался в Ставрополе по капризу Хрущева, который использовал здешние места для "ссылки" своих опальных приспешников /до Кулакова сюда был сослан маршал Булганин, член По-

литбюро, премьер и одно время постоянный спутник Хрущева в его поездках за границу/. Какова бы ни была причина высылки Кулакова из Москвы в Ставрополь, она явно не была вызвана идеиними разногласиями с Хрущевым — скорее личными. Ведь Кулаков сам был человеком хрущевского склада — не бюрократ, а работник, чувствующий личную ответственность за белостное положение экономики страны и, как Хрущев, осознавший острую необходимость радикальных перемен. Волевой, реформаторский, с большой долей импровизации стиль кулаковского руководства оказал глубокое воздействие на молодого Горбачева и позднее тот не раз пытается имитировать Кулакова на разных высоких постах, включая высший пост в советской империи. Именно под началом Кулакова Горбачев проделал значительную эволюцию — от идеологического ортодокса-сталиниста, каким он был в Московском университете, до реформатора-хрущевца. Откуда было знать Горбачеву, что неожиданно для мира, страны и для самого себя Хрущев, этот реформатор-самоучка и потрясатель советской системы, уйдет на пенсию "ввиду преклонного возраста и по состоянию здоровья" /такова была официальная формулировка причин отставки Хрущева/. Либоично, однако, что именно в Ставропольском крае, когда там секретарствовал Кулаков, окончательно взорвал приведший к падению Хрущева заговор бывших его соратников во главе с Брежневым. Осенью 1964 года Кулаков принимал кремлевских заговорщиков "у себя" на юге, в Тебердинском заповеднике. Во время прогулок и за вечерни застольем план переворота был выверен до последних деталей. Кремлевские гости полностью доверяли Кулакову, поскольку он числился среди жертв хрущевского самодержавия, и его поддержка заговора считалась само собой разумеющейся. И в самом деле, поддерживая практические реформы Хрущева и его примитирный грубый демократизм, Кулаков все более приходил к отчаянию от непоследовательности и необузданной импульсивности Хрущева. К тому же, заграв Кулакова в Ставропольскую глушь, Хрущев лишил этого энергичного деятеля какой-либо политической перспективы, и в случае снятия Хрущева для Кулакова брезгил луч надежды оказаться опять в Москве, в центре власти.

Итак, кремлевские конспираторы могли полностью положиться на своего гостеприимного ставропольского хозяина. Горбачев в это время ведал в Ставропольском крайкоме кадрами и к заговору по "малолетству" и по номенклатурной незначительности не прымкал. Однако вообще не знать о заговоре он не мог, будучи доверенным лицом Кулакова и наблюдая небывалое скопление кремлевских тузов в их глухой провинции. Видимо, это был первый усвоенный Горбачевым урок борьбы за верховную власть, хотя настоящая школа интриг — у него впереди, когда его непревзойденным учителем станет Андропов. Уже через месяц с небольшим после падения Хрущева Федор Кулаков, участвовавший в заговоре на вторых ролях, был тем не менее возвращен в столицу, в Центральный комитет, где возглавил Отдел сельского хозяйства ЦК, — путь, аналогичный тому, который спустя 14 лет проделает его protеже Горбачев. Так Кулакову удалось выпасть из тяжелой вынужденной карьеры, причиненной его государственной карьерой четырьмя годами ставропольской "ссылки", и возобновить свою реформаторскую деятельность, где его ждали крупные удачи, неуклонное приближение к власти и трагическая смерть.

А пока что у Михаила Горбачева появился в столице влиятельный патрон, который и послужил вскоре головокружительному взлету его провинциальной карьеры — в 1970 году, в возрасте 39 лет, Горбачев становится